

Л. Д. ТРОЦКИЙ

Сталин

<Фрагменты>

<...>

Все те, которые возглавляли Красную армию в сталинский период — Тухачевский, Егоров, Блюхер, Якир, Уборевич, Дыбенко, Федько, были в свое время выделены на ответственные военные посты, когда я стоял во главе военного ведомства, в большинстве случаев мною самим, во время объезда фронтов и непосредственного наблюдения их боевой работы. Как ни плохо было, следовательно, руководство, но оно, очевидно, умело выбирать людей, раз Сталин в течение более десяти лет никого не нашел им на смену. Правда, почти все полководцы гражданской войны и строители армии оказались впоследствии «предателями» и «шпионами». Но это не меняет дела. Именно они отстаивали революцию и страну. Если в 1933 г. выяснилось, что Сталин, а не кто-либо другой строил Красную армию, то на него, казалось бы, падает и ответственность за подбор такого командного состава. Из этого противоречия официальные историки выходят не без трудностей, но с честью: назначение изменников на командные посты ложится ответственностью целиком на Троцкого; зато честь одержанных этими изменниками побед безраздельно принадлежит Сталину. Сейчас это своеобразное разделение исторических функций известно каждому школьнику из Истории, отредактированной Сталиным.

Три года гражданской войны наложили неизгладимую печать на советское государство уже тем одним, что создали широкий слой администраторов, привыкших командовать и требовать безусловного повиновения. Те теоретики, которые пытаются нынешний тоталитарный режим в СССР вывести не из исторических условий,

а из природы большевизма как такового, забывают, что гражданская война выросла не из природы большевизма, а из стремления буржуазии, международной буржуазии, опрокинуть советский режим¹. Несомненно, что и Сталин сформировался в обстановке гражданской войны, как и вся та группа, которая помогла ему установить его личную диктатуру: Орджоникидзе, Ворошилов, Каганович и целый слой работников в провинции.

<...>

2 сентября 1918 г. Центральный Исполнительный Комитет опубликовал постановление: «Председателем Революционного Военного Совета единогласно назначается т. Троцкий. Главкомандующим всеми фронтами назначается т. Вацетис.» Странно, что никто не подумал в этот период о Сталине, которого ныне задним числом изображают как инициатора, организатора и вдохновителя Красной армии с первых ее шагов.

В период гражданской войны Сталин не только в армии, но и на фоне общей политики оставался фигурой третьего ряда. Он председательствовал на совещаниях коллегий комиссариата национальностей, на съездах некоторых национальностей, он вел переговоры с Финляндией, с Украиной, башкирами, т. е. выполнял хотя и существенные, но все частные и второстепенные поручения правительства. К большой политике, какой она была представлена на съездах партии и на конгрессах Советов или на конгрессах Третьего Интернационала, он отношения не имел.

В некоторых официальных изданиях упоминается мимоходом, очевидно на основании каких-то архивных данных, что Сталин состоял одно время членом Революционного Военного Совета Республики. Однако никаких определенных указаний, хотя бы относительно периода его участия в высшем военном органе найти нельзя. Официальная история в специальной монографии «Революционный Военный Совет СССР за десять лет», составленной тремя авторами в 1928 г., т. е. уже при полном господстве Сталина, когда в руках у него была уже сосредоточена вся власть, говорит, между прочим:

«2 декабря 1919 г. в состав Революционного Совета включен был Гусев. В дальнейшем на протяжении всего периода гражданской войны в состав Революционного Военного Совета одновременно входили: т.т. Сталин, Подвойский, Акулов, Антонов-Овсеенко, Серебряков».

Авторы специального исследования, в руках которых были все необходимые архивы, не сумели, таким образом, установить пери-

од, в течение которого Сталин состоял членом Революционного Военного Совета Республики. Между тем протоколы этого учреждения велись в высшей степени аккуратно и хранились в условиях полной обеспеченности. Но в этих протоколах Сталин ни разу не показан в числе присутствующих. Насколько подсказывает мне память, это загадочное обстоятельство объясняется следующим образом.

8 июля 1919 г. был сокращен состав РВСР, в который вошли Троцкий (председатель), Склянский (заместитель председателя), Рыков, Гусев, Смилга и главнокомандующий Каменев. В то время, как в официальной истории назначение действительных и активных членов РВСР указано точно, о Сталине упоминается крайне глухо, при перечне других случайных назначений, опрокинутых ходом событий и вскоре забытых. В протоколах РВС совершенно нет указаний на участие Сталина в заседаниях. Как многие другие представители отдельных армий и фронтов, он присутствовал на заседаниях раз или два в качестве ходатая по местным делам. В общем руководстве военным ведомством Сталин не принимал никакого участия. «Число членов Реввоенсовета Республики, — писал в 1920 г. один из военных работников, Берзин, — не было указано точно, так что одно время, если не ошибаюсь, в него входило до 10 членов. Работали фактически, однако, председатель, главком и один-два члена... В полном своем составе Реввоенсовет Республики ни разу не собирался».

В 1921 г. Сталин был введен в Революционный Военный Совет Республики, насколько помню, по моей инициативе.

В течение всех лет гражданской войны при каждом конфликте со Сталиным я пытался поставить его в такие условия, чтоб он вынужден был ясно и точно формулировать свои взгляды на военные задачи. Его глухую и закулисную оппозицию фронтам я пытался прекратить или заменить членораздельным участием его в руководящем военном органе. По соглашению с Лениным и с Крестинским, который поддерживал военную политику полностью, я добился, не помню уже под каким предлогом, назначения Сталина в состав Революционного Военного Совета республики. Сталину не оставалось ничего другого, как принять назначение.

Его интриги были очевидны, а в то же время у него совершенно не было каких-либо особых методов военной работы, поэтому наиболее целесообразным было дать ему возможность на деле показать, чем именно он недоволен и чего именно он хочет. Но Сталин сразу понял опасность открытой совместной работы: он ни разу не по-

явился на заседаниях Военного Совета, ссылаясь на обремененность другими делами. Это нетрудно проверить по очень тщательным и точным протоколам Революционного Военного Совета. Рассказы о работе Сталина в военном ведомстве с 1921 г. опираются на запись в протоколах ЦК, и только, представляют протокольную запись о введении Сталина в состав ВРК. На самом деле самое постановление было вскоре позабыто. Здесь повторение, правда менее яркое, истории с «практическим центром» в октябре 1917 г.

В той настойчивости, с какую Сталин подготовлял свою новую биографию, несомненно сказались основные черты его характера. Можно по-разному относиться к ней, но нельзя отказать ей в силе. Он хотел продвинуться вперед, занять более видное, если возможно — и первое место. Это стремление было у него сильнее всех других чувств, не только личной привязанности, но и верности определенной программе. Оно не покидало его никогда. В нем не было и тени того великодушия богатых натур, которое радуется талантам и успехам другого. В чужом успехе он всегда чувствовал угрозу своим целям, удар по своей личности. С силою рефлекса он занимал немедленно оборонительную, а если возможно и наступательную позицию. Он не мог никоим образом приписать себе роль теоретика и создателя большевистской партии, — он стремился поэтому преуменьшить роль теории и эмигрантов-теоретиков, осторожно поддерживать недовольство Лениным, преуменьшать значение тех вкладов, которые Ленин вносил на важнейших поворотах истории, выдвигать его действительные или мнимые ошибки. Только после его смерти он канонизировал его, чтоб постепенно вытеснять его память.

Он не мог никак приписать себе ни руководство Октябрьским переворотом, ни руководство гражданской войной. Но он с первого дня неумоимо подкалывал авторитет тех, кто участвовал в руководстве, неумоимо, осторожно, шаг за шагом, сперва без какого-либо общего плана, лишь повинуюсь основной пружине своей натуры.

<...>

После 1925 г., когда постановлением ЦК я был снят с поста народного комиссара по военным делам, официальная печать настойчиво внушала ту мысль, что Фрунзе, мой заместитель, играл исключительную роль в создании вооруженных сил. После смерти Фрунзе он окончательно был провозглашен организатором Красной армии. Решительно никому не приходило тогда в голову припи-

сывать эту роль Сталину. Фрунзе несомненно играл выдающуюся роль в гражданской войне и вообще был несколькими головами выше Ворошилова.

3 февраля 1926 г., в восьмую годовщину, новый глава вооруженных сил Ворошилов в статье, написанной для него его секретарями, пишет о реформе, произведенной в Красной армии «под непосредственным руководством незабвенного вождя Красной армии Михаила Васильевича Фрунзе». В течение короткого момента Фрунзе был точкой опоры для реформы не столько армии, сколько ее истории. Это был лишь запоздалый отголосок неосуществившегося плана. Но прежде, чем утвердился в учебниках и головах миф Фрунзе, началась подготовка мифа Сталина. Сегодня Фрунзе почти совершенно забыт <...>.

<...> В последний период моего пребывания во главе военного ведомства усилия Сталина, Зиновьева и Каменева были направлены на то, чтобы поставить армию в невозможное финансовое положение. Все ассигнования по военному ведомству беспощадно урезывались. Немедленно после моего смещения военное ведомство получило крупные дополнительные ассигнования и жалование командному составу было значительно повышено. Эта мера должна была примирить армию с происшедшей переменой.

Уже в 1926 г., когда я был не только вне военного ведомства, но находился под жестокими преследованиями, военная академия выпустила исследование «Как сражалась революция», в котором авторы, заведомые сталинцы, писали: «Клич т. Троцкого “пролетарии, на коня!”, явился побудительным лозунгом для завершения организации Красной армии в этом отношении», т. е. в отношении создания кавалерии. В 1926 г. не было еще и речи о Сталине как об организаторе кавалерии.

В статьях по поводу девятилетнего юбилея Красной армии (23 февраля 1927 г.) имя Сталина еще ни разу не названо. 2 ноября 1927 г., накануне исключения оппозиции из партии, Ворошилов произносит на партийной конференции Краснопресненского района речь, посвященную Красной армии. В этой речи нет и намека на то, что Сталин — организатор Красной армии. Самая мысль об этом просто не приходит Ворошилову в голову. Только через три года он не без осторожности приступит к выполнению этого поручения.

Нужен был определенный сигнал сверху, дополненный прямыми предписаниями партийного аппарата, чтоб анонимность была устранена и чтоб имя партии было заменено именем Сталина.

Этапы передвижения от исторической правды к бюрократическому мифу можно проследить из года в год. Мы ограничимся лишь несколькими иллюстрациями.

В одной статье 1927 г., когда власть была уже полностью в руках Сталина, его имя, как организатора или вдохновителя Красной армии, еще не упоминается вовсе. Вообще не названо никаких имен. В этот период задача состояла в том, чтоб заставить забыть одни имена и тем подготовить почву для других. Через два года в номере «Правды» от 23 февраля заключается небольшая атака против Троцкого и его сотрудников за невнимательное отношение к Красной армии после окончания гражданской войны. Имя Сталина еще совершенно не названо. В 1929 г. в связи с одиннадцатой годовщиной армии Ворошилов впервые атаковал старое руководство армии, но не за период гражданской войны, а за следующее трехлетие, когда Троцкий, занятый фракционной борьбой, не уделял будто бы достаточного внимания реорганизации армии; эта задача легла затем целиком на Фрунзе, преемника Троцкого. Сталин пока еще совершенно не назван. Ворошилов писал:

«Кронштадтское восстание во флоте, значительное ослабление дисциплины в воинских частях того времени, целый ряд колебаний в военных слоях рабочего класса — все это было прямым следствием внутрипартийной борьбы, размеры которой были доведены до последних пределов».

В 1929 г. имя Фрунзе еще выдвигалось как имя строителя Красной армии: «Только после того, — писал Ворошилов в 1929 г., — как вспыхнула война внутрипартийных схваток с Троцким, ЦК вплотную подошел к вопросам армейского строительства. На долю новой большевистской группы военных работников во главе с М. В. Фрунзе выпала чрезвычайно трудная и почетная задача вплотную приняться за реорганизацию вооруженных сил».

Лавинообразный ход фальсификации имеет свои законы, свой внутренний ритм. Так, в номере от 23 февраля 1929 г., посвященном одиннадцатой годовщине Красной армии, Сталин еще не упоминается. В статьях Ворошилова, Уншлихта, Бубнова, С. Каменева, Эйдмана, Дегтярева и др. нет и речи о Сталине как организаторе Красной армии. Между тем, юбилейный номер газеты появился как раз в момент высылки Троцкого в Турцию. Несмотря на грандиозную работу по фальсификации, проделанную за предшествующие шесть лет (1923–1929), в тот момент еще психологически немислимо было изображать Сталина как организатора

победы. Для этого понадобилось еще несколько лет конвеерной фальсификации.

23 декабря 1929 г. в «Правде» появилась статья Ворошилова «Сталин и Красная армия». В этой статье говорится, между прочим: «В период 1918–20 гг. Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого ЦК бросал с одного боевого фронта на другой». Статья заключала в себе первый набросок программы новой истории гражданской войны. Но эта статья, изобилующая грубыми анахронизмами и искажениями, не вошла сразу даже в сознание военной бюрократии. Только в юбилейной статье 1930 г. впервые называется имя Сталина, притом в связи не со строительством армии в целом, а лишь Первой конной армии, которая действительно формировалась в Царицыне при участии Сталина. С. Орловский в статье «Ворошилов в Конной армии» пишет:

«Большую роль сыграло создание Сталиным именно в этом периоде гражданской войны конной армии. «Это был, — пишет Ворошилов, — первый опыт соединения кавалерийских дивизий в такое крупное соединение, как армия. Сталин видел могущество конных масс в гражданской войне. Он конкретно понимал их громадное значение для сокрушительного маневра. Но в прошлом ни у кого не было такого своеобразного опыта, как действие конных армий. Не было об этом написано и в ученых трудах, и поэтому такое мероприятие вызывало или недоумение или прямое сопротивление. Особенно возражал Троцкий».

Объединять ли два корпуса и стрелковую бригаду в особую конную армию или оставить эти три единицы в распоряжении командования фронтом, этот вопрос вовсе не имел ничего общего с общей оценкой или недооценкой значения конницы. Важнейшим критерием являлся вопрос о командовании: справится ли Буденный с такой массой всадников? Сможет от тактических задач подняться до стратегических? При выдающемся командующем фронтом, знающем и понимающем конницу и при надежных средствах связи, создание особой конной армии было бы неправильно, так как чрезмерное массирование конницы всегда грозит ослабить его основное преимущество: подвижность. Разногласие по этому поводу имело эпизодический характер и, если бы история повторилась, я бы опять повторил свои сомнения.

На первых шагах миф ищет опоры в фактах. Никому еще не приходится в голову назвать Сталина организатором Красной армии. Даже в юбилейной статье Ворошилова имя Сталина как органи-

затора еще не названо вовсе. Зато подчеркивается роль Ленина. В 1930 г., как и в 1931 г., юбилейные обзоры Красной армии все еще не уделяют Сталину места в гражданской войне. В 1930 г., 23 февраля, ни в одной из юбилейных статей (Ворошилова, Куйбышева, Гамарника и других) имя Сталина не упоминается, не упоминается вообще имен по понятным причинам. Только на третьей странице «Правды» появляется фотография с подписью «Т. Сталин» без указания на его отношение к Красной армии.

В 1931 г. опубликована сталинская инструкция историкам партии, которая была разъяснена и конкретизирована в устных беседах. В 1932 г. юбилейный номер «Правды» получает уже новую физиономию. 23 февраля 1932 г. портрет Сталина украшает первую страницу газеты. Впервые выдвинута формула: «Вождь Красной армии является коммунистическая партия, ее ленинский ЦК во главе с т. Сталиным». Эта формула стала суррогатом присяги на личную верность Сталину. Но и в этом году власть его еще не распространена на прошлое. Сталин не фигурирует еще как строитель армии и руководитель гражданской войны. В качестве главной заслуги политического аппарата армии указано, что он провел «блестящую борьбу против троцкизма». Отметим, что во главе этой борьбы стоял Гамарник, который погибнет через шесть лет как «троцкист».

Впервые история Красной армии была перестроена официально 23 февраля 1933 г. в «Приказе Военного Совета СССР Республики», где после вводных фраз о том, что Ленин — гений человечества, величайший стратег пролетарской революции, вождь и организатор партии большевиков, «организатор и вождь Красной армии», говорилось: «С именем тов. Сталина, лучшего ленинца, вождя партии большевиков, вождя всех трудящихся, тесно связана вооруженная борьба, победы и строительство Красной армии. В годы гражданской войны партия всегда посылала тов. Сталина на наиболее опасные и решающие для жизни пролетарской революции фронты». Приказ заканчивался призывом: «Еще теснее сплотимся вокруг нашей коммунистической партии, вокруг нашего лучшего друга, вождя и учителя тов. Сталина».

Этот приказ по армии был, вместе с тем, приказом по исторической науке. Одновременно телеграммы из Ленинграда и Пскова, т. е. от Кирова, приветствуют «организатора великих побед Красной армии т. Сталина». В 1933 г. «Правда» уже говорит о Сталине как об «организаторе побед Красной армии». Но и здесь подразумева-

ются лишь некоторые известные победы. Строителем армии изображается партия и персонально Ленин. В 1934 г. статья Радека пытается установить разногласия между Троцким и Сталиным в период гражданской войны. А Зиновьев в 1934 г. писал о великом знамени Ленина-Сталина.

В 1935 г., когда месяцы Тухачевского были уже сочтены, он в юбилейной статье о Красной армии, защищая необходимость ее механизации, заканчивал неизбежной византийской фразой о том, «что гарантией победы является искусство нашей партии, ее вождя т. Сталина и верного соратника его т. Ворошилова.»

Сейчас может показаться странным, что никто в течение первых двенадцати лет не упоминал не только о мнимом «руководстве» Сталина в военной области, но и об его несомненном и активном участии в гражданской войне. Объясняется это тем, что в партии, в правительстве и в стране были рассеяны многие тысячи военных, знавших, как было дело <...>.

<...> Те официальные легенды, созданные о роли Сталина, как организатора армии, стратега, вдохновителя гражданской войны, легенды, созданные в период с 1932 г до 1940 г., получили очень яркую проверку в событиях Советско-финляндской войны. Подготовка наступления со стороны СССР была поистине убийственной. Кремль недооценил силы сопротивления Финляндии, не подготовил необходимых материальных условий, не сумел объяснить ни армии, ни народу всех задач своей политики. Вся операция была подготовлена за спиной народа чисто бюрократическим путем и потому на первом своем этапе в течение 10–11 недель не дала ничего, кроме позора кремлевским инициаторам. В отличие от Гитлера, Сталин и не думал даже появляться перед войсками, выезжать на фронт, беседовать с солдатами и вдохновлять их. Можно прямо сказать, что такая поездка была для него совершенно невозможна. Кто знает его ближе, тому вообще невозможно представить себе на морозном воздухе перед солдатскими массами этого аппаратного диктатора с невыразительным лицом, с тусклым голосом, с трудом процеживающего слова, с желтоватым отливом глаз. Сталину нечего сказать солдатам.

<...>

Давно уже стало традицией изображать дело так, будто весной 1918 года Царицын представлял большую важность в военном отношении и Сталин был отправлен туда для спасения военного положения. Все это основано на недоразумении. Дело шло на самом деле

о продовольствии; и военное ведомство в целом занималось в те дни вопросом продовольствия пожалуй больше, чем чисто военными делами. 28 мая на заседании Совета Народных Комиссаров Ленин обменивался с тогдашним руководителем продовольственного дела Цюрупой записками об исключительных методах по снабжению столиц и промышленных центров продовольствием. Ленин пишет к Цюрупе: «Сегодня же созвонитесь с Троцким, дабы завтра он все пустил в ход». Тут же Ленин сообщает о состоявшемся постановлении в том смысле, чтобы народный комиссар труда Шляпников выехал немедленно на Кубань для объединения продовольственной деятельности юга в интересах промышленных районов. Цюрупа пишет: «Сталин согласен ехать на Северный Кавказ. Посылайте его. Он знает местные условия. С ним и Шляпникову будет хорошо.» Ленин отвечает: «Я согласен вполне. Проводите обоих сегодня». В ближайшие два дня состоялись специальные постановления о Сталине и Шляпникове. Сталин был направлен на северный Кавказ и в Царицын «в качестве общего руководителя продовольственным делом на юге России». О военных задачах еще не было и речи.

Со Сталиным получилось то, что со многими другими советскими работниками и с целыми отрядами их. Многие рабочие отправлялись в разные губернии для мобилизации хлебных избытков. Но наталкивались на восстания белых, и из продовольственных отрядов, становились военными отрядами. Многие работники просвещения, земледелия и других ведомств попадали на окраинах в водоворот гражданской войны и меняли, так сказать, свою профессию.

Каменев, наряду с Зиновьевым, был одним из наименее воинственных членов ЦК. Однако и он посылался на фронты и играл в течение нескольких периодов видную роль. Подобно Сталину, Каменев был в апреле 1919 года послан на Украину для ускорения продвижения продовольственных грузов к Москве. Но Луганск оказался сдан, опасность грозила всему Донецкому Бассейну, положение на только что отвоеванной Украине становилось все менее благоприятным. Совершенно так же, как Сталин в Царицыне, Каменев на Украине оказался втянут в военные операции. Ленин телеграфирует Каменеву: «Абсолютно необходимо, чтобы вы лично... не только проверили и ускорили, но и сами довели подкрепление к Луганску и вообще к Донбассу, ибо иначе нет сомнения, что катастрофа будет огромная, едва ли поправимая: мы несомненно погибнем, если не отчистим полностью Донбасс в короткое время...» Это обычный стиль Ленина того времени. На основании таких

цитат можно доказывать, что судьбу революции Ленин ставил в зависимость от военного руководства Каменева на Юге.

Читателю, не посвященному в действительный ход событий и не могущему ныне иметь доступ к архивам, трудно себе представить, до какой степени искажены пропорции событий. Весь мир знает ныне об эпопее защиты Царицына, о поездке Сталина на Пермский фронт или так называемой Профсоюзной дискуссии. Эти эпизоды кажутся сейчас вершинами исторической цепи событий. Эти мнимые вершины созданы искусственно. Из громадного архивного материала выделены определенные эпизоды и вокруг них поставлены грандиозные исторические декорации. Во всех новых изданиях к этим декорациям прибавляются новые преувеличения, источником которых являются только старые преувеличения. Ссылки на документы встретить почти нельзя. Заграничная печать, даже ученые историки, относятся к этим повествованиям, как к первоисточнику. В разных странах можно встретить специалистов-историков, которые знают третьестепенные детали, касающиеся Царицына или Профсоюзной дискуссии, но не имеют почти никакого понятия о событиях неизмеримо более важных и значительных. Фальсификация достигла здесь таких размеров, такой динамики, что она выработала свой собственный, почти непреодолимый автоматизм, похожий на автоматизм лавины. На самом деле, нельзя не поразиться бедности тех документов и материалов, которые опубликованы в связи с работой Сталина на фронтах.

При тоталитарной концентрации всех средств устной и печатной пропаганды можно городу создать столь же фальшивую репутацию, как и человеку. В маневренной и глубоко подвижной войне разные пункты страны приобретают в разные моменты исключительное значение и затем теряют его. Защита Царицына никогда не могла иметь того значения, как борьба за Казань, откуда открывается путь на Тулу и Москву, или, как борьба за Петроград, потеря которого была бы грозным ударом сама по себе и открывала бы путь с севера, путь на Москву. Сейчас много героических эпизодов гражданской войны забыто: забыты все, где не участвовал Сталин; зато имени Царицына придано мистическое значение: «Царицын, — вполне справедливо пишет один из историков Красной армии, — явился зачатком военной академии, где создались кадры командиров для других многочисленных фронтов, ныне возглавляющие основные единицы армии»...

...В изданиях годов гражданской войны эпопея Царицына — одна из многих эпопей, которая совершенно не связывалась с именем Сталина. Его закулисная роль, очень краткая к тому же, была известна небольшому числу лиц и не давала решительно никакого повода для славословий. В юбилейной статье Орджоникидзе, посвященной 11-й армии, ни словом не упоминается Сталин. То же и в других статьях. Нужно было очень долго и настойчиво раскачивать качели истории, чтобы поднять Сталина на высоту героя царицынской эпопеи.

Продовольственные задачи оказались в сколько-нибудь широких масштабах неразрешимы из-за военного положения. «Связи с Югом, с его продовольственными грузами, прерваны — писал Сталин 4 августа, — а сам Царицынский район, связывающий центр с Северным Кавказом, оторван, а свою очередь, или почти оторван от Центра». Причину крайнего ухудшения военной обстановки Сталин объяснял, с одной стороны, поворотом крепкого крестьянина, в Октябре боровшегося за советскую власть, — против советской власти (он ненавидит всей душой хлебную монополию, твердые цены, реквизиции, борьбу с мешочничеством); с другой стороны — плохим состоянием наших войск. «В общем нужно сказать, — заканчивал он, — что до восстановления связи с Северным Кавказом рассчитывать (особенно) на Царицынский участок (в продовольственном отношении) не приходится».

4 августа Сталин пишет из Царицына Ленину, Троцкому, Цурюпе: «Положение на Юге не из легких. Военный Совет получил совершенно расстроенное наследство, расстроенное отчасти инертностью бывшего Военного Руководителя, отчасти заговором привлеченных Военруком лиц в разных отделах Военного Округа. Пришлось начинать все сизнова... Отменили старые, я бы сказал преступные, приказы, и только после этого повели наступление...»

Подобные сообщения получались тогда со всех концов страны, ибо хаос господствовал везде. Удивление вызывают лишь слова о «расстроенном наследстве». Военные округа были декретированы 8 апреля, едва успели приступить к работе, так что о «расстроенном наследстве» говорить было трудно.

8 апреля 1918 г. был издан декрет о создании волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов. В июле я докладывал 5-му съезду Советов, что многие низовые комиссариаты еще не созданы за отсутствием компетентных военных людей.

В качестве члена Революционного Военного Совета армии с особыми полномочиями от ЦК и Военного Совета Республики Сталин пользовался крайне широкими, практически неограниченными правами. Он мог производить на местах мобилизации, реквизировать имущество, милитаризировать заводы, подвергать аресту, предавать суду, назначать и смещать. Другие члены Совета армии — например, Ворошилов — были слишком малозначительны по сравнению с ним, чтобы стеснять его волю.

Грубость, нарушение приказов, вызывающие резолюции — все это был не просто взрыв темперамента, а обдуманый способ поднять свой авторитет. Военные, как и большинство комиссаров, не знали Сталина, а к приказам из центра уже научились относиться с большим вниманием. Цель Сталина состояла в том, чтоб показать, что он равен по рангу тем, кто подписывает приказы, исходящие из центра. Никакой другой цели его вызывающие действия иметь не могли: если б он хотел изменения неразумного приказа, достаточно было бы снестись по прямому проводу с Москвой. Сталин стремился поднять свой авторитет за счет авторитета центра.

<...>

Рассказы о роли Сталина, как защитника Петрограда, основаны, как это ни невероятно, на умышленном анахронизме. Юденич дважды в течение 1919 г. пытался взять бывшую столицу: в мае и в октябре. Первое нападение было основано на внезапности. 14 мая корпус генерала Родзянко прорвал фронт 7-й армии между Нарвой и Гдовом, занял Ямбург и Псков и начал быстро продвигаться к Петрограду, Гатчине, Луге. 7-я армия, защищавшая Петроград, была крайне ослаблена в пользу более актуальных фронтов: командующие армией, лучшие командиры, комиссары и целые части были переведены на юг. Временный командующий (начальник штаба) вошел в сношения с Юденичем и дал ему возможность завладеть рядом пунктов. Часть командиров 7-й армии, отправившейся на Петроград, организовала заговор в окружающих столицу гарнизонах: Кронштадте, Ораниенбауме, Красной Горке и Красном Селе. Заговорщики были тесно связаны с Юденичем и намеревались занять столицу одновременно с войсками его армии. Заговорщики надеялись на поддержку недовольных матросов и особенно на помощь военного флота. Но матросы двух дредноутов не поддержали восстания, а английский флот держался в стороне.

Несколько морских портов были покинуты слабыми гарнизонами в панике. Но во всяком случае явной и грубой натяжкой

являлась попытка связать измены тех или иных полков, формирующихся под наблюдением партийных организаций, с Костяевым. Способный генерал Костяев не внушал доверия и мне. Он производил впечатление чужого человека. Вацетис, однако, отстаивал его, и Костяев недурно дополнял вспыльчивого и капризного главного командующего. Заместить Костяева было нелегко. Никаких данных против него не было. «Взятый у швейцарцев документ» лишен был, видимо, какого бы то ни было значения, ибо он нигде больше не фигурировал. Что касается Надежного, то ему пришлось через четыре месяца командовать 7-й армией, которая отстояла Петроград. Вина Окулова была в том, что он стремился соблюдать уставы и приказы, не соглашаясь участвовать в интригах против центра. Особо настойчивый тон Сталина объясняется тем, что он чувствовал опору в Совете Восточного фронта, где были недовольны главкомом и переносили это недовольство на меня.

Из Москвы пришлось спешно укреплять 7-ю армию и восстанавливать положение. Зиновьев, руководивший партийной и советской работой в Петрограде, не был создан для таких положений и сам сознавал это. Для организации отпора Юденичу был послан Сталин. Он вполне успешно справился с задачей, которая требовала твердости, решительности и спокойствия. Это первое наступление было быстро и легко ликвидировано. Что касается заговора, то и это предприятие оказалось авантюрой. 12 июня 1919 г. только одна Красная Горка оказалась в руках заговорщиков. После обстрела Кронштадта Красная Горка была 16 июня занята отрядами красных моряков. И Сталин телеграфирует Ленину:

«Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой. Сталин».

Помню, по поводу этой похвальбы нарушением существующих законов, декретов, порядка и пр. я как-то сказал Ленину: у нас в армии заводится режим великих князей. В царской армии наряду с военной субординацией существовала неписанная субординация: великие князья, занимавшие те или другие командные или высокие административные посты, игнорировали нередко стоящие над ними власти и вносили в управление армии и флота хаос. Я обратил

внимание Ленина на то, что Сталин в качестве члена ЦК заводит в армии режим великих князей.

Ленина коробило от этого тона грубого вызова и хвастовства. Из Петербурга можно было в любой момент снестись с Кремлем и со штабом, заменить плохих или ненадежных командиров, усилить штаб, т. е. сделать то, что каждый из основных военных работников делал много раз на фронте, без нарушения правильных отношений и без подрыва авторитета командования армии и ставки. Сталин не мог поступать так. Он мог чувствовать свое преимущество над другими только унижая их. Он не мог испытать удовлетворения от своей работы, не проявив пренебрежения к тем, кто стояли над ним. Не располагая другими ресурсами, он превращал грубость в ресурсы и демонстрировал свое особое значение пренебрежением к учреждениям и лицам, которые пользовались уважением других. Такова была его система.

Телеграмма кончалась словами: «Срочно вышлите 2 млн патронов в мое распоряжение для 6 дивизии...»

В этой приписке, обычной для Сталина, целая система. Армия имела, конечно, своего начальника снабжения. Патронов всегда не хватало, и они посылались по прямому наряду главнокомандующего в зависимости от наличных запасов и относительной важности фронтов и армий. Но Сталин обходил все инстанции и нарушал всякий порядок. Помимо своего начальника снабжения он требует патронов через Ленина, притом не в распоряжение армейского командования, а для отдельной дивизии, которой он, очевидно, хочет показать свое значение.

Первый набег Юденича с ничтожными силами имел эпизодический характер и прошел для партии, поглощенной Восточным и Южным фронтами, почти незамеченным. Положение было восстановлено; и снова все внимание было перенесено на Юг. Тем временем к началу августа белые войска отошли в исходное положение. Но именно отошли. Они не были разгромлены. Юденич продолжал свои формирования. Под прикрытием Эстонии и при самой напряженной помощи Англии он сформировал в течение ближайших четырех месяцев очень серьезную армию, обильно укомплектованную офицерством и прекрасно вооруженную. Корпус превратился в Северо-Западную армию, которая насчитывала около сотни батальонов и эскадронов.

Второй поход начался очень успешно для Юденича, и борьба за Петроград сразу получила глубоко драматический характер.

Считая, что нам не справиться со всеми фронтами одновременно, Ленин предложил сдать Петроград. Я восстал. Большинство Политбюро поддержало меня. Когда я был уже в Петрограде, Ленин писал:

«Вчера ночью провели в Совете обороны и послали вам... постановление Совета обороны. Как видите, принят ваш план. Но отход питерских рабочих на юг, конечно, не отвергнут. (Вы, говорят, развивали это Красину и Рыкову.) Об этом говорить раньше надобности, значило бы отвлечь внимание от борьбы до конца. Попытка отхода и отрезывания Питера, понятно, вызовет соответственные изменения, которые вы проведете на месте. Поручите по каждому Отделу Губисполкома кому-либо из надежных собрать бумаги и документы советские для подготовки эвакуации. Прилагаю воззвание, порученное мне Советом обороны. Спешил — вышло плохо, лучше поставьте мою подпись под Вашим. Привет. Ленин». Это была необходимая уступка Сталину и Зиновьеву. Ничего не оставалось, как примириться с нею.

Борьба за Петроград получила крайне драматический характер. Враг был на виду у столицы, которая была подготовлена к борьбе на улицах и площадях. Когда в советской печати шла речь об обороне Петрограда без дальнейших определений, то имели ввиду всегда этот второй, осенний поход Юденича, а не весенний эпизод. Но осенью 1919 г. Сталин находился на Южном фронте и к обороне Петрограда не имел никакого отношения. Официальные документы этой основной операции против Юденича давно опубликованы. Сейчас оба похода Юденича слиты воедино и оборона Петрограда изображается, как дело рук Сталина.

<...>

Одной из причин тех чрезвычайных размеров, которые приняла катастрофа под Варшавой, явилось поведение командования Южной группы советских армий с направлением на Львов (Лемберг). Главной политической фигурой в Революционном Военном Совете этой группы был Сталин.

Трения и конфликты между высшими и нижними инстанциями командования заложены, так сказать, в природе вещей: дивизия недовольна армией, армия — фронтом, фронт — ставкой, особенно, если дела идут неблагополучно. Сталин систематически эксплуатировал эти трения и доводил до острых конфликтов. Особенно тяжелые последствия имело его самоуправство именно во время Польской кампании.

К решающему моменту операционная линия Юго-Западного фронта разошлась с операционной линией главного Западного фронта под прямым углом. В то время как фронт Тухачевского приближался к Варшаве, Юго-Западный фронт, в состав которого входил Сталин, двигался на Лемберг. Сталин вел свою собственную войну. Он хотел во что бы то ни стало войти в Львов в то время, как Смилга и Тухачевский войдут в Варшаву. Когда предстоящий контрудар под Варшавой окончательно выяснился, главное командование приказало Егорову, командующему Юго-Западным фронтам, круто переменить направление, чтобы ударить во фланг польских войск под Варшавой и поддержать Тухачевского с фланга. Но Юго-Западное командование, поощряемое Сталиным, продолжало двигаться на запад: разве не более важно самим завладеть Львовом, чем «другим» взять Варшаву? В течение трех или четырех дней ставка не могла добиться исполнения приказа. Только в результате повторных приказов и угроз Юго-Западное командование переменяло направление. Но несколько дней запоздания сыграли роковую роль.

<...>

конница Буденного-Ворошилова, в согласии с директивами Егорова-Сталина и вопреки приказаниям главного командования, повернула на Люблин с запозданием на несколько дней.

В 1937 г. в № 2 «Красной Конницы» напечатана статья «Боевой путь первой Конной армии», где автор открыто признает, что Конная армия не только не сумела воспрепятствовать польской армии отойти за реку Буг, но даже «не сорвала контрудара поляков во фланг Красным войскам, наступавшим на Варшаву». Сталин и Ворошилов, увлекшись эфемерной задачей нового занятия Галиции, не желали помочь Тухачевскому в его главной задаче — наступлении на Варшаву. Ворошилов доказывал, что взятие Львова дало бы возможность «нанести сокрушительный удар в тыл белополякам по их ударной группировке».

Совершенно невозможно понять, как можно было бы, после овладения Львовом, на расстоянии 300 километров от главного театра, ударить в «тыл» польской ударной группировке, которая тем временем уже гнала Красную армию на сотни километров от Варшавы на восток. Уже для того, чтоб попытаться нанести полякам удар «в тыл», нужно было бы первым делом броситься за ними вдогонку, следовательно, прежде всего покинуть Львов. К чему в таком случае было занимать его?

Правда, достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что польские войска, наступавшие от Варшавы, никоим образом «своего тыла» в Львове иметь не могли. Однако Ворошилов, написавший книгу «Сталин и красная армия», очевидно, все же упорно продолжает считать, что Львов находится «в тылу» польских армий, не взирая на то, что последние, оперируя на Висле, наоборот, находились сами «в тылу» Львова. Поэтому, надо думать, Ворошилов, а вместе с ним, вероятно, и Сталин, «в самой резкой форме «протестовали против переброски конной армии из-под Львова на север — к Люблину, на помощь Тухачевскому. «Заметая свои гнусные, пораженческие маневры, предатель Троцкий обдуманно и сознательно добился переброски конной армии на север, якобы на помощь Западному фронту», — негодуяще замечает «Красная звезда».

К сожалению, он добился этой переброски слишком поздно, — заметим мы. Если бы Сталин и Ворошилов с безграмотным Буденным не вели «своей собственной войны» в Галиции, и Красная конница была своевременно у Люблина, Красная армия не испытала бы того разгрома, который ее привел к рижскому миру. Действительно, редактор «Красной Конницы» совершил крупную неловкость, напомнив теперь об этом...

Захват Львова, лишенный сам по себе военного значения, мог бы получить смысл лишь в связи с поднятием восстания украинцев (галичан) против польского господства. Но для этого нужно было время. Темпы военной и революционной задач совершенно не совпадали. С того момента, как определилась опасность решающего контрудара под Варшавой, продолжение похода на Львов становилось не только беспредметным, но и преступным. Однако в дело вступилась фронтовая амбиция, опиравшаяся на инерцию безостановочного движения. Сталин, по словам Ворошилова, не останавливался перед нарушением уставов и приказов.

Главным инициатором похода был Ленин. Его поддерживали против меня Зиновьев, Сталин и даже осторожный Каменев. Из членов ЦК на моей стороне был Рыков, тогда еще не входивший в Политбюро. Все секретные документы того времени имеются в распоряжении нынешних хозяев Кремля, и если б в этих документах была хоть одна строка, подтверждающая позднейшие версии, она была бы давно опубликована. Именно голословный характер версий, к тому же столь радикально противоречащих одна другой, показывают, что мы имеем дело все с той же терми-дорианской мифологией.

<...>

В военной работе было две стороны: подобрать нужных работников, расставить их, установить надзор, извлечь подозрительных, нажать, еще раз нажать, покарать — вся эта работа аппаратного характера была Сталину как нельзя более по плечу, и он справлялся с ней отлично, поскольку его работа не осложнялась какими-либо личными комбинациями. Но в работе была и другая сторона: воодушевить солдат и командиров, пробудить в них их лучшие стороны, внушить им доверие к руководству, — на это Сталин был совершенно не способен. Он был совершенно лишен общения с массой. Нельзя, например, представить его себе выступающим под открытым небом перед полком: для этого у него не было никаких данных. Замечательно, что он, видимо, не пробовал обращаться к солдатам и с письменным словом: по крайней мере, ни одна из таких статей, приказов, воззваний не произведена. Его влияния на фронте было велико, но оно оставалось безличным, бюрократическим и полицейским.

Фронт, несомненно, тянул его к себе. Военный аппарат есть наиболее абсолютный из всех аппаратов. Сидя в штабе, можно было назначать, перемещать, смещать, приказывать, заставлять, миловать и, главное, карать. Потребность во властвовании находила здесь наиболее полное выражение. На возражения и аргументы здесь можно было отвечать безапелляционным приказом. Неспособность непосредственного личного воздействия на массы давала себя знать здесь гораздо менее, чем в событиях революции. В армии массы обезличены и крепко захвачены тисками аппарата: ими можно командовать незримо и независимо от их воли.

Но если фронт привлекал к себе Сталина, то он и отталкивал его. Военный аппарат обеспечивал возможность повелевать; но Сталин не стоял во главе этого аппарата. Сперва он возглавлял лишь одну из двадцати армий; потом стоял во главе одного из пяти или шести фронтов, причем и тут власть ему приходилось делить с командующим и одним или двумя членами Революционного Военного Совета армии или фронта. Уже это разделение власти с другими было невыносимо. Еще труднее было переносить зависимость от высшего командования, которое имело по отношению к Сталину те же права, какие он сам — по отношению к подчиненным ему командирам и комиссарам.

Работа Сталина на фронте насквозь пронизана этим противоречием. Он устанавливает суровую дисциплину, твердо держит

руку на всех рычагах, не терпит ослушания. В то же время, будучи во главе армии, он систематически побуждал не только к нарушению приказов фронта, но и к полному игнорированию фронтового командования. Стоя во главе Южного или Юго-Западного фронта, он нарушал приказы главного командования.

Конфликты между низшими и высшими инстанциями заложены, так сказать, в природе вещей: армия почти всегда недовольна фронтом, фронт почти всегда будирует против ставки, особенно если дела идут не очень благополучно. Что характеризовало Сталина, это то, что он систематически эксплуатировал эти трения и доводил их до острых конфликтов. Пользуясь своим званием члена грозного большевистского ЦК и своей перепиской с Лениным по прямому проводу, он внушил своим сотрудникам пренебрежительное отношение к вышестоящему командованию. Никогда Ворошилов не решился бы игнорировать распоряжения свыше; другое дело, когда рядом с ним стоял член ЦК, который подбивал его на беззаконие и прикрывал его своим авторитетом. Никогда Егоров, полковник царской армии, не осмелился бы нарушить прямой приказ ставки; прикрытый Сталиным, он с полной готовностью погнался за запретными лаврами, какие сулил захват Львова. Втягивая своих сотрудников в рискованные конфликты, Сталин тесно сплачивал их и ставил в зависимость от себя. Таким путем он достигал ближайшей цели: единоличного господства в армии или на фронте, и подрывал авторитет вышестоящих, в которых он безраздельно видел противников. Соображения об авторитете правительства или командования в целом никогда не останавливали его, раз дело шло о борьбе за его личное положение.

В царские времена законная иерархия командования нарушалась походя великими князьями, которые были одной из язв военного аппарата. Полушутя я говорил Ленину: как бы нам не нажать беды от наших «великих князей», т. е. членов ЦК. Но с другой стороны, обходиться без них было бы совершенно невозможно. Формально член ЦК имел в армии только ту власть, какая принадлежала ему по должности. Но наряду с писаной, существовала неписаная субординация. Каждый член ЦК в армии неизбежно давил на других своим политическим званием; Сталин систематически и сознательно злоупотреблял им. Трудно сказать, многое ли он выигрывал этим.

Дважды его снимали с фронта по прямому постановлению ЦК. Но при новом повороте событий отправляли снова. Авторитета

в армии он не приобрел. Сверху возмущались нарушением дисциплины, снизу — грубостью нажима; соседи по фронту опасались связываться с ним. Однако те военные сотрудники, которых он подчинил себе, втянув их в борьбу с центром, остались в дальнейшем тесно связаны с ним. Царицынская группа — Ворошилов, Минин, Рухимович, Щаденко — стала ядром сталинской фракции. В те годы она не играла, правда, никакой политической роли. Но позже, когда подул попутный исторический ветер, царицынцы помогали Сталину устанавливать паруса.

Роль Сталина в гражданской войне лучше всего, пожалуй, измеряется тем фактом, что в конце гражданской войны его авторитет совершенно не вырос. Никому вообще не могло прийти в голову тогда сказать или написать, что Сталин «спас» Южный фронт или сыграл крупную роль на Восточном фронте, или хотя бы удержал от падения Царицын. Во многочисленных документах, воспоминаниях, сборниках, посвященных гражданской войне, имя Сталина либо не упоминается вообще, либо упоминается в перечне других имен. К тому же Польская война наложила на его репутацию, по крайней мере в более осведомленных кругах партии, явное пятно. От участия в кампании против Врангеля он уклонился. Действительно ли по болезни или по другим соображениям — сейчас решить трудно. Во всяком случае из гражданской войны он вышел таким же безвестным и чуждым массам, как и из Октябрьской революции².

<...>

